

Историческая социология

© 2020 г.

Н.С. РОЗОВ

НОМОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (КЕЙС ГЕНЕЗИСА/РАСЦВЕТА ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИЗМА)

РОЗОВ Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (nrozov@gmail.com).

Аннотация. В статье применена схема К. Гемпеля к объяснению расцвета гуманизма в городах-государствах северной Италии (XV–XVI вв.). Подобные идейные течения (в их числе итальянский гуманизм) не бывают случайными и получают широкое признание вследствие стечения обстоятельств в разных социальных сферах (от геополитики до практик повседневности). В формулировке «универсальной гипотезы» (для генезиса любых культурных движений) использованы схема «вызов-ответ» А. Тойнби, принцип положительного подкрепления успешных стратегий, концепции легитимности, социальных движений и мобилизации ресурсов. Генезис итальянского гуманизма концептуализирован как макрособытие с фиксированным набором идейных характеристик. Приведены основные вызовы-угрозы и вызовы-возможности для итальянских элит и папства, характеристики доступного культурного капитала – латинских и греческих «древностей», подтвержден успех ответных культурных стратегий, показаны источники пополнения движения участниками, патронами и меценатами, культурными ресурсами, открытость неинституционализованных каналов вертикальной мобильности. Соответствие данных об Италии второй половины XV в. компонентам универсальной гипотезы означает закономерность макрособытия – появления и расцвета гуманизма как культурного движения с заданными характеристиками.

Ключевые слова: историческая социология • макросоциология • логика научного объяснения • К. Гемпель • закономерности в истории • вызов-ответ • итальянский гуманизм • папство • геополитика • культурные движения • «конец света» • легитимность

DOI: 10.31857/S013216250008499-1

Будущее исторической социологии¹ в России, относительно которого высказываются резонные тревоги [Романовский, 2018], во многом зависит от эффективности применяемых методов, от смелости и корректности в обращении с историческими данными, от обоснованности теоретических выводов. Предложенный К. Гемпелем в середине XX в. и

¹Область применения концепций и объяснительных методов социальных наук к явлениям и процессам прошлого имеет множество названий (и направлений) наряду с «исторической социологией»: «теоретическая история», «историология», «социальная история», «макроистория», «историческая макросоциология», «историческая динамика», «клиодинамика», «теория социальной эволюции» и др. Нет смысла в проведении строгих границ или в поиске «единственно верного» названия, важно изучать и использовать разные исследовательские стратегии в этой сфере.

многokrатно «отвергнутый» (особенно западной аналитической философией истории и отечественной гуманитаристикой) метод научного объяснения явлений прошлого на основе «охватывающих законов» (*covering laws*) стал стандартным методологическим орудием в историко-социологических исследованиях².

Поиск и социологическое осмысление эмпирических данных истории остается важным направлением. В то же время номологический подход благодаря логике и эвристическому потенциалу позволяет работать с хорошо известным историческим материалом, давая возможность опробовать, корректировать метод, а также задавать необычные вопросы, ответы на которые обещают нетривиальные результаты, как минимум, выявляя теоретические трудности на пути дальнейших исследований.

Появление и расцвет гуманизма, эпоха Возрождения в Италии обычно воспринимаются как данность, которая либо не требует объяснения, либо допускает частные *ad hoc* эмпирические объяснения. В научной литературе со времен Я. Буркхардта дискутируют о генезисе гуманистического движения (см., напр.: [Брагина, 2002: 7–68]). Долгое время спор шел в гуманитарном конкретно-историческом русле между теми, кто утверждал светские корни (Я. Буркхардт, А. Бартоли, М. Мюнц, А.Н. Веселовский, М.С. Корелин, П. Бёрк) и религиозные (так называемая «медиевизация» Г. Тоде, К. Бурдаха и др.) [Брагина, 2002: 13–42].

С 1930-х гг. (точнее, с выхода в свет книги «Социология Ренессанса» А. фон Мартина) поиски истоков итальянского гуманизма в религии и культуре стали дополняться историко-социологическим подходом с упором на факторы культуры городов, связи купечества с папством, интересы правящего класса, на политические события и процессы в Италии XIV–XV вв. ([Baron, 1960; Hay, 1961; Martines, 1963; Lytle, Orgel, 1981], см. также исследования К. Варезе, С. Росси, П. Бёрка, В.Н. Лазарева). Ниже изложена попытка номологического историко-социологического объяснения генезиса итальянского гуманизма, при этом идейные, содержательные аспекты не игнорируются, не противопоставляются социальным, но включены в общий логический и концептуальный каркас. Исходная идея: крупные солидарные идейные течения не бывают случайными, итальянский гуманизм был таковым. Вследствие стечения значимых обстоятельств это движение появилось, заявило о себе, получило поддержку, стало привлекательным. Затем новые участники, жаждущие успеха, стали продвигаться по линиям признания, влияния, благосостояния.

Номологический подход по К. Гемпелю [Гемпель, 2000] предполагает формулирование универсальной гипотезы (условия C_1, C_2, \dots) для объяснения динамики идейных, культурных движений в словесности, философии, религии, социальной и политической идеологии. Явление гуманизма следует представить в виде упрощенной модели – макрособытия E с заданными характеристиками. При сопоставлении начальных данных – структурных обстоятельств в городах-государствах Италии – с элементами этой гипотезы должно в качестве дедуктивного вывода последовать суждение о появлении данного макрособытия, т.е. генезиса гуманизма. Здесь не может быть речи о строго дедуктивном выводе (не случайно в качестве единственного «исторического» примера Гемпель привел физическое явление: на морозе лопнул радиатор автомобиля). Дедуктивность играет роль логического ориентира, образца рассуждений.

Расцвет классического итальянского гуманизма датируют XIV–XV вв. Нас будут интересовать наиболее яркие проявления второй половины XV (когда появилось слово «гуманист») и начала XVI в. Л. Баткин называл этот период «ядром эпохи» и «Высоким Возрождением» [Баткин, 1995: 32].

² Достаточно указать на труды Б. Мура, Ч. Тилли, Р. Карнейро, Т. Скочпол, А. Стинчкомба, Р. Коллинза. Формулировали и проверяли «универсальные гипотезы» Р. Карнейро в знаменитой теории происхождения государства [Карнейро, 2006] и Р. Коллинз в теоретическом предсказании распада Варшавского блока и СССР [Коллинз, 2015: 78–130]. Каждого из них я спрашивал в личной беседе: почему, используя номологический подход К. Гемпеля, они на него не ссылались? Ответы были однотипны: «Это же стандартный научный подход к объяснению! Так учат в хороших университетах».

В явлении «генезис и расцвет гуманизма» (макрособытие E), следуя традиционным описаниям, выделим следующие компоненты.

Компонент e_0 – расцвет гуманистического движения, понимаемый как быстрый и неуклонный рост в течение нескольких десятилетий в северной Италии (прежде всего, с 1450-х по 1520-е гг. во Флоренции и Венеции) числа и влияния культурных текстов, а также известности, престижа, социального статуса их авторов и приверженцев с содержательными характеристиками e_1 – e_6 .

Компонент e_1 – антропоцентризм и активизм, резкий сдвиг центра внимания от традиционных религиозных тем Средневековья (Бог, греховность и ничтожество человека, смирение, спасение, Страшный суд) к темам достоинства, свободы и талантов человека, культурного творчества; пренебрежение в отношении религиозной схоластики, богословия; оптимистический взгляд на природу человека. Давшие имя гуманистам ученые занятия *studia humanitas*, где человек и «древности» стали в центр внимания, открыто противопоставлялись *studia divina* (изучению божественного), характерного для доминировавшей тогда схоластики; признание преимуществ *virtue* (личной добродетели, доблести) над сословным происхождением, деятельной жизни – над созерцательной, самосовершенствования, достижения успеха – над смиренным признанием своего ничтожества и ограниченности сословными рамками в социальном плане (*Virtú vince fortuna* – добродетель побеждает судьбу).

Компонент e_2 – «ренессанс» и словесность, огромный интерес к античной греческой и латинской культуре, взрывной рост переводов (и фальсификаций), подражаний, копирования, интерпретаций, особенно в этике, литературе, изобразительном искусстве³, особое внимание гуманистов к риторике, филологии, истории, эпистолярному творчеству.

Компонент e_3 – гедонизм, эпикурейские идеи, эротизм, снижение моральных стандартов («распущенность», «теневая сторона титанизма» [Лосев, 1978: 136–137]).

Компонент e_4 – магия, большой интерес к магическим сочинениям и практикам, ведовству, колдовству как источникам вдохновения, способам проникновения в тайны природы и божественного промысла.

Условия подъема и расцвета идейного движения. Теперь обратимся к «универсальной гипотезе». Важнейшая методологическая идея Гемпеля заключается в том, что такая гипотеза не привязана только к объясняемому случаю, сами понятия и суждения гипотезы должны быть общими – «универсальными». То есть нам нужна гипотеза не про итальянский гуманизм, а про более общие явления, выражаемые родовыми понятиями. Таким понятием будет «культурное движение» (в том числе идейное), а более общим явлением, объясняемым универсальной гипотезой, – «подъем и расцвет движения в течение 2–3 и более поколений».

В качестве элементов универсальной гипотезы перечислим факторы актуализации (начальные условия) и утверждения главных идейных компонентов культурного движения, его расширения, воспроизводства престижа и влияния:

– S_1 – серия связанных, близких во времени социально и культурно значимых событий играет роль вызовов-угроз и вызовов-возможностей, для ответа на которые прежде доминирующая идейная традиция оказывается неадекватна и/или неприемлема;

– S_2 – в доступном и престижном культурном ресурсе творческие личности и группы обнаруживают и актуализируют ориентирующие и сплачивающие идеи, которые: а) содержат картины мира, ценности и цели как ориентиры ответов на главные вызовы-угрозы и вызовы-возможности; б) настолько соответствуют интересам, ценностям, идентичностям

³ Считается, что Петрарка впервые противопоставил «древнюю (античную) историю» (*historia antiqua*) «новой (современной) истории» (*modern historiam*) в письме к Иоанну (Джовани) Колонне, вспоминая о совместных прогулках по Риму: «Много говорили зато об истории, причем разделились между собой так, что в новой оказывался опытней ты, в древней я (если называть древней то, что было прежде, чем в Риме прогремело и было почтено римскими государями Христово имя, а новой – все с тех пор до нашего века)» [Петрарка, 1998: 104].

творческих и влиятельных групп, что способны служить символами, лозунгами, «флагами» политико-культурной солидарности, в том числе поверх сословных, классовых и иных границ;

– C_3 – ответные стратегии на вызовы (C_1), использующие идеи (C_2), оказываются успешными, что подкрепляет и стратегии, и идеи, в том числе: а) в борьбе с соперниками, противниками, б) в повышении легитимности и престижа самих носителей идей и их влиятельных групп поддержки через в) описание и оправдание их особых черт, деятельности и образа жизни;

– C_4 – источники пополнения движения: а) вследствие сжатия старых институциональных структур регулярно высвобождается достаточное число «аспирантов» (амбициозных молодых людей с достаточной подготовкой для освоения идей и стратегий C_{2-3}); б) есть потенциал расширения влиятельных групп, испытывающих вызовы (C_1), поддерживающих идеи и ответные стратегии (C_{2-3}), авторов соответствующих культурных текстов и приверженцев, поскольку их популярность отвечает политическим, престижным, экономическим или иным значимым интересам этих ресурсно-богатых групп;

– C_5 – есть обширный символический (текстовый, эстетический, языковой, интеллектуальный) ресурс, доступный для освоения «аспирантами» (C_{4a}), позволяющий развивать идеи (C_2), производить множество культурных текстов (переводов, комментариев, интерпретаций), способствующих успеху стратегий (C_3);

– C_6 – открылись или существенно расширились каналы вертикальной мобильности, причем критерии и механизмы продвижения по ним оказываются вне контроля традиционных формальных институтов, тогда как влиятельные группы поддержки (C_{4b}) и достигшие признания «аспиранты» (C_{4a}) занимают позиции, позволяющие продвигать по этим каналам своих единомышленников (рис. 1).

ЗАКОНОМЕРНОЕ СЛЕДСТВИЕ – МАКРОСОБЫТИЕ E

Рис. 1. Логическая схема следствия суждения о макрособытии E «расцвет культурного движения» из суждений о комплексе необходимых и достаточных обстоятельств (C_1, \dots, C_n).

Если случай с итальянским гуманизмом соответствует этой гипотезе, то должны быть найдены эмпирические соответствия ключевых понятий и утверждений, фигурирующих в гипотезе, т.е. конкретно-исторические реалии, описания которых подпадают под выше-приведенные условия С₁–С₆.

Что можно сказать по каждому из предложенных выше гипотетических условий?

С₁. Вызовы-угрозы и вызовы-возможности

Ожидание «конца света». Датой «сотворения мира» считался 5508 г. до н.э., математически рассчитанный как год с тройной единицей (по индикту, кругу Солнца и кругу Луны, что бывает один раз в $15 \times 28 \times 19 = 7980$ лет). Согласно Библии, для Бога один день – это тысяча лет. А если за «шесть дней» (6000 лет) был создан мир, то Страшного суда надо было ждать в конце «седьмого дня», т.е. ровно через 7000 лет после «сотворения мира», а значит – в 1492 г.

Про это несбывшееся ожидание конца света знают многие, но обычно недооценивают масштаб охватившего почти весь христианский мир сгустка противоречивых чувств: страха, тревоги, надежды на справедливое возмездие грешникам и на собственное спасение. Множество проповедников Страшного суда, среди которых Ян Гус, Уиклиф, Савонарола, грозили пастве кошмарными мучениями, если не покаются [Дэвис, 2005: 354]. Женщин призывали к разводам, чтобы в момент второго пришествия они были свободны от родственных связей.

В 1453 г. османами был взят Константинополь, что произвело огромное впечатление на всех христиан. С 1480 г. начавшаяся на Балканах эпидемия чумы охватила Европу. Из-за «неблагоприятного размещения» Сатурна и Юпитера в 1484 г. и солнечного затмения 1485 г. астрологи предсказывали стихийные бедствия, войны, разорения, приближение Страшного суда. На городских площадях и в центральных соборах частыми стали представления на темы смерти. Людям показывали окровавленные трупы, скелеты, истощенные, разъеденные червями тела, которых еще продолжали пытаться адские чудовища [Делюмо, 2003: 213–214]. В городах появились школы, где обучали искусству умирать. Вера в скорый конец света была столь сильна, что в 1491 г. многие крестьяне не засеяли свои поля, из-за чего закономерно наступил голод, т.е. новое бедствие. В 1493 г. разразилась эпидемия сифилиса.

После несбывшегося «конца света» 1492 г. ожидания не угасли. В 1508 г. проповедник Гейлер в Страсбурге призывал паству: «Лучшее, что можно сейчас сделать, это забиться в щель, спрятаться в своем углу, следовать заповедям Господа и творить добро, чтобы обрести вечное спасение» (цит. по: [Делюмо, 1994: 165]). Ожидание конца света стало вызовом-угрозой для всех социальных групп. Массовый страх давал новые возможности религиозным проповедникам-моралистам типа Савонаролы, умело устранившим паству адскими муками, которые ожидают грешников. Стали частыми обвинения политическими противниками (включая самих пап) в том, что они – «воплощение Антихриста».

Геополитические угрозы. Для итальянских элит XIV–XV вв., для папства, правителей и коммерческой олигархии североитальянских городов-республик главные вызовы, угрожавшие их земному могуществу, имели геополитический характер: на итальянские земли претендовали Франция, Испания и Священная империя (называвшая себя «Римской», но становившаяся германской). Угрозы со стороны Франции и Испании не раз принимали форму завоеваний, хотя с разным успехом.

Прямое военное сопротивление в качестве ответа показывало себя недостаточным, поэтому итальянцы активно использовали дипломатию, создавая союзы против наиболее опасного актуального агрессора. Ярким примером служит созданная в 1494–1495 гг. в ответ завоевателям-французам «Священная» Венецианская лига⁴. Сильные геополитические

⁴ В Лигу изначально входили Римский папа, испанский король и король Сицилии Фердинанд II Арагонский, король Германии Максимилиан I, герцог Милана Лодовико Сфорца и Венецианская республика; позже к Лиге присоединилась Англия.

вызовы постоянно бросали друг другу сами итальянские государства: здесь создавались и распадались союзы, требуя развития дипломатии.

Кризис легитимности римского папства. «Авиньонское пленение» с оторванностью от Рима и фактическим подчинением французской монархии, «Великий раскол» с постоянным соперничеством между «папами» и «антипапами», серия соборов, решения которых противоречили друг другу и зачастую никем не выполнялись, неприкрытые претензии соседних держав на итальянские земли, в том числе на контроль над Римом (см. выше), сам тип тогдашней папской политики с опорой на военную силу, не самую большую и далеко не всегда успешную, – все это подрывало авторитет папства.

Вызов папству стал вызовом и для итальянских элит, поскольку обрушение легитимности папства в Риме вело к усилению геополитических угроз (короли перестанут опасаться отлучения от церкви), к утрате благосостояния (приток денежных средств в Рим питал именно итальянскую экономику, особенно строителей, художников, производителей предметов роскоши, банкиров), к падению престижа итальянских государств и итальянцев как наследников великой Римской империи, легендарное могущество которой преобразилось в духовное величие папства – центра западноевропейского *Pax Christiana*.

Возможность повышения социального престижа богатых горожан. В период роста морских империй Венеции и Генуи (XIII–XIV вв.) традиционно доминировала военная аристократия. При развитии средиземноморской торговли во второй половине XV в. после закрытия восточного Средиземноморья османами в итальянских городах-государствах стало бурно развиваться производство, ориентированное на европейские рынки (ткачество во Флоренции, стекло, зеркала, предметы роскоши в Венеции). Богатея, получали влияние и власть пополаны – нетитулованные безродные купцы, предприниматели, банкиры. У них была достаточно денег для постройки роскошных дворцов и вилл. Чего не хватало, так это символического статуса – идейного, культурного обоснования своего нового положения и своих амбиций, поскольку традиционным (военно-аристократическим) основанием социального престижа оставалась знатность рода.

Нерелевантность прежних идей новым вызовам. Доминирующей идейной традицией до гуманизма было богословие и примыкавшая к нему религиозная философия (схоластика). В Италии XV в. этот богатый интеллектуально значимый культурный ресурс никак не подходил для ответа на вызовы и не был приемлем ни для папства в Риме, ни для новых разбогатевших элит североитальянских государств. Схоластика по праву ассоциировалась с Парижем и Францией, отчасти с Испанией и Англией⁵. Принятие ее в качестве идейного основания только подкрепило бы геополитические претензии этих держав, тогда как требовалось что-то свое, причем с непрременным упором на культурное и духовное первенство Рима (для папства) и всей Италии (для элит городов-государств).

Непростой вопрос состоит в отношении между всеобщим ожиданием конца света, которое становилось более напряженным в XV в. по мере приближения 1492 (= 7000-го) г. Традиционные для средневековой религиозности идеи неизбывной греховности человека, его ничтожества перед лицом Господа, проповеди смирения и аскетизма, приготовления к Страшному суду, ставшие особенно грозными к концу XV в., оказывали сильное воздействие на простонародье, о чем свидетельствуют взлеты популярности Савонаролы во Флоренции. Однако для итальянских элит, включавших и знать, и разбогатевших коммерсантов, предпринимателей, и верхушку Римской курии, утверждавших свой статус роскошью дворцов, богатством одежд и блеском увеселений, принятие такой морали означало бы, скорее, саморазоблачение, а не укрепление престижа и легитимности.

Итак, в Италии XV в. вполне реальный страх «конца света», геополитические угрозы итальянским государствам от соседних держав, кризис легитимности папства, возможности

⁵ «Петрарка всегда выступал ярким противником официальной философии Падуи, Болоньи, Парижа, целиком погруженной в физические и логические проблемы, раздуваемые поздним номинализмом» [Гарэн, 1986: 45].

повышения социального престижа разбогатевших коммерсантов и амбициозных парвеню в совокупности составляют начальное условие C_1 : «серия связанных и близких во времени социально и культурно значимых событий, которые играют роль *вызовов-угроз* и *вызовов-возможностей*». Для ответов на них прежние доминирующие идеи и нормативные образцы (схоластика, проповеди смирения, аскетизм) по указанным причинам были нерелевантны.

C₂. Идеи, отвечающие на вызовы

Хорошо известен доступный в Италии XV в. символический ресурс, пригодный для требовавшегося ответа, – латинские и греческие «древности», философские, литературные, исторические рукописи, сохранившиеся образцы архитектуры, скульптуры, живописи, прикладного искусства. Какие же идеи и почему были почерпнуты из старинных текстов, овеянных славой и величием прошлого?

Достоинство человека и антропоцентризм. Классические тексты повествуют главным образом о героях: военных и политических (полководцы, правители), интеллектуальных и моральных (философы-мудрецы). Древние монументальные постройки (такие как Форум и Колизей), предметы искусства (скульптура, керамика) указывали на таланты архитекторов и художников. ореол древнего величия давно ушедшей культуры переносился на всех ее персонажей.

Тема человеческого достоинства, личных добродетелей и заслуг, сквозная в творчестве гуманистов, имела также важный сословный смысл: человек не из знатного рода, даже из социальных низов, ученостью, мудростью и деяниями заслуживает не меньшего, а то и большего уважения, чем родовитый аристократ, лишенный этих достоинств. Эта идея имела очевидный объединяющий, солидаризирующий и ориентирующий характер, давала перспективу социального продвижения. Оставалось облечь восхищение доблестью и мудростью древних в концептуальную форму, чем и стала сквозная для гуманистов тема добродетелей: доблестей, талантов, и возможностей человека.

Мудрость как изучение почитания и изучение древностей. Слово важнее шпаги. Впечатляют масштабы интереса и коммерческого спроса на «древности», прежде всего на манускрипты с греческими и латинскими текстами, когда книга могла стоить, как роскошная вилла, а то и дворец (палаццо). При должном острашении (В. Шкловский) этот взрыв интереса и спроса воспринимается как крайне необычный, нуждающийся в объяснении. Разумеется, первый ключ в том, что обладание «древностью» стало маркером высокого социального и культурного престижа. Но этот феномен имеет свои причины.

Обратим внимание на главную риторическую фигуру в прославлении гуманистами греческой и латинской классики: противопоставление «варварству» и «темному веку» (он позже превратится в «мрачные средние века») [Гарэн, 1986: 35]. Таким образом, утверждение своего престижа через причастность «древностям» было частью конфликтной структуры и политической борьбы. Двумя главными полями борьбы были *церковные соборы*, где выбирались папы и устанавливались правила, и *войны, дипломатия вокруг войн*, где складывались и рушились альянсы держав. Престиж и легитимность с претензиями на духовные преимущества и исторические права на территории играли важнейшую роль на обоих полях.

В Италии главной политической силой были разбогатевшие элиты Флоренции, Венеции, Милана и Генуи, стремившиеся поставить дружественного им папу и благодаря этому одержать верх над французскими, испанскими и германскими претензиями. Каждая сторона конфликта при этом мобилизовала свои культурные ресурсы. В Италии главным доводом духовного (а значит геополитического!) превосходства была причастность славе и величию Римской империи, поэтому итальянцам естественно было «играть» именно на поле латинских «древностей», демонстрируя эрудицию, преемственность и творческие таланты.

Эпикурейство и титанизм. Популярность Эпикура с прославлениями удовольствий в купе с культом геройства и доблести выдающихся личностей («титанизм») позволили пренебречь проповедями умеренности (к чему звал Эпикур). Главную роль в действительности заимствованных из «мудрости древних» гедонистических идей, вероятно, сыграла та же конфликтная структура – противопоставление характерному для средневековой религиозности аскетизму, а также демонстративный протест, нежелание подчиняться страху, унынию, отчаянию, овладевшим столь многими в преддверии «конца света».

Тайное знание о природе вещей дает могущество. Доступные гуманистам эзотерические и алхимические тексты (главные из них приписывались Гермесу Трисмегисту) стали популярными и почитаемыми по ряду причин. Одним из важнейших человеческих достоинств считалась способность к познанию, проникновению в тайны природы как Божьего творения. До отделения науки от магии еще было далеко. В XV в. знания о природе содержались в трех основных корпусах текстов: 1) принятых в официальной христианской традиции «Шестодневах» Василия Великого, Севериана, Григория Песиды и др., 2) трудах авторитетных языческих авторов, прежде всего Аристотеля, 3) текстах эзотерического характера с астрологическим, алхимическим, магическим содержанием, к которым средневековая церковь относилась настороженно вплоть до попыток запрета. При этом два первых корпуса были уже «заняты» конкурировавшими «варварскими» традициями патристики, официального богословия и схоластики (прежде всего, томизма). Сочетание общей конфликтной структуры с доступностью объемных текстов «герметического корпуса» (спешно переведенных Фичино с греческого на латынь) привело к их огромной влиятельности среди гуманистов [Гарэн, 1986: 336].

Итак, почерпнутые из греческих и латинских манускриптов идеи человеческих добродетелей, доблестей, талантов, подвигов, эпикурейства и гедонизма, возможностей тайного знания, магических сил, древние образцы мудрости и учености составляют начальное условие C_2 : *ориентирующие и спланирующие идеи*, дающие ценности и цели для ответов на главные вызовы-угрозы и вызовы-возможности; а также способные служить символами, лозунгами, «флагами» политико-культурной солидарности.

C₃. Успех ответных стратегий

Рационализация загробных воздаяний. По сравнению с устрашающими проповедями Савонаролы и подобных более рациональный и умиротворяющий вариант ответа на вызов близившегося «конца света» дан в «Божественной комедии» Данте. Логически обоснованное, по сути дела, квазиюридическое распределение грешников по кругам ада в зависимости от тяжести их вины мы привыкли воспринимать как экзотические литературные красоты. Однако в ту эпоху Страшный суд был не метафорой; к «концу света» всерьез готовились. Детальные описания кругов ада в «Комедии» больше всего напоминают итоги работы большого коллектива юристов-богословов, всеобъемлющий документ ко второму пришествию: кого, как и сколь строго судить, на какие муки ада обречь. При этом «Комедию» по праву считают вполне гуманистическим произведением: в ней воспеты достоинства поэзии и поэтов, отдана дань классической древности в лице Вергилия и античных мудрецов, явлен интерес не к богословским абстракциям, но к человеческой природе, характерам. Данте не только пугает адом, но дает жизненные ориентиры, описывая 10 сфер рая, помещая в них конкретных обитателей из исполняющих долг, мудрецов, воителей за веру, влюбленных, справедливых правителей. Вполне гуманистическая тема добродетелей («доблестей») – *граней человеческого достоинства*.

Наслаждаться жизнью, удовольствиями, роскошью – парадоксальный ответ на предельную угрозу. Ответы на предельные угрозы (предвещались в XV в. не бедствия, но конец времен) не бывают однозначными, скорее они составляют широкий спектр реакций. В данном случае – от коллективной готовности к смерти, адским мукам или райским кушам до стоического равнодушия и даже демонстративного пренебрежения угрозой.

Парадоксальность реакции на смертельную угрозу состоит в том, что вместо страха и отчаяния люди могут стремиться успеть насладиться радостями жизни, грубыми и плотскими удовольствиями (ср. «Пир во время чумы» А.С. Пушкина).

Крайность такого рода ответов на предельную угрозу позволяет связать страх конца света с разгулом страстей и пороков, названных А.Ф. Лосевым «обратной стороной титанизма», с тем компонентом итальянского гуманизма, который выше обозначен как «гедонизм». Судя по всему, напряжение XV в., усиливавшееся приближением 7000 года («от сотворения мира»), существенно поляризовало жизненные стратегии, разделив их на крайне богобоязненные аскетические (образец – Савонарола) и откровенно антиаскетические (скандальное семейство Борджиа, включая папу Александра VI).

Гуманизм, геополитика и легитимность. Успех в создании коалиций и получении поддержки внешних держав в огромной мере зависит от легитимности – признания правоты и правомерности геополитических претензий. В 1496 г. Венецианской лигой была одержана победа над французами, – их попытка захвата богатейшей северной Италии и папской области провалилась. Типичная для итальянского гуманизма тема «возрождения» – превознесение культуры, истории, героев, славных побед, величия, столь красочно прославляемого в греческой и латинской античности, – была триумфально подкреплена.

Противопоставление новой итальянской учености «варварству» (преимущественно французскому), противопоставление достоинства светских творческих занятий в Италии унаследованному благородству военной аристократии Франции стали выигрышными риторическими стратегиями в формировании, превознесении гуманистической идентичности, в утверждении духовного преимущества Рима, Флоренции, всей Италии над носителем главной геополитической угрозы [Баткин, 1995: 75].

Для папства вопрос духовной власти (а то и выживания) усугублялся необходимостью завоевать легитимность именно в идейной сфере. Пусть папство нехотя признало разоблачение Лоренцо Валлой подложности «Константинова дара», но вся культурная политика Рима по поддержке гуманизма и Ренессанса⁶ способствовала утверждению его преемственности в отношении великой, полубоготворческой Римской империи. Тот же Лоренцо Валла прекратил свои нападки на пап и папство, стал секретарем папы Николая V («первого гуманиста среди пап»). Со второй половины XV в. в течение столетия альянс католичества и гуманистов только креп. Благодаря культурной политике и альянсам папство преодолело кризис прежних расколов, было легитимировано и процветало. Продвижение, поддержка гуманистических идей как ответ на вызовы геополитики и легитимности помогали в борьбе с соперниками и противниками (С_{3а}).

Сами папы вплоть до Контрреформации второй половины XVI в. не отставали от правителей и коммерческих элит в богатстве и роскоши, имея помимо феодальных доходов постоянный приток средств от приходов тогда еще единого в Западной Европе *Rex Christiana*. Идеология гуманизма оправдывала богатый, полный наслаждений образ жизни, но авторитет и процветание папства, в свою очередь, убеждали в верности самих гуманистических идей. Коммерческий успех, рост благосостояния элит и средних слоев североитальянских городов и государств значимо подкрепляли убежденность в моральной правоте гуманистического мировоззрения.

С₄. Источники пополнения движения

«Аспиранты» – кадровый ресурс гуманистов (С_{4а}). Кто эти «аспиранты» – амбициозные лица, достаточно культурно подготовленные, не удовлетворенные своим положением, остро реагирующие на вызов? Традиционная военная аристократия в Италии во

⁶ «Лев X (1513–1521), Джованни Медичи, второй сын Лоренцо Великолепного [...] Просвещенный знаток всех видов литературы и искусства, Л. восстановил римский университет, тратил огромные суммы на библиотеки, постройки, картины, учредил особую коллегию для издания греческих классиков, приглашал к своему двору всевозможных ученых и артистов» [ЭБЕ, «Римские папы. Лев»].

многим уступила власть и влияние городской коммерческой элите. Сыновья высшего и среднего слоя горожан (пополанов) не имели и не видели перспектив в военной сфере. Они получали хорошее образование, особенно в латыни, риторике, истории, готовили себя к службе в дипломатии, в государственных и папских канцеляриях, в преподавании, сочинительстве. Механизмы инкультурации «аспирантов» – это неформальные, частые, почти регулярные собрания с полуоткрытым доступом (по рекомендациям). Здесь рассматривали коллекции древностей, восхищались редкими рукописями, читали свои произведения и переводы, обсуждали все – от международной политики до поэзии, от магии и астрологии до архитектуры, но всегда с учетом почитаемой латинской и греческой классики. Принятие в круг гуманистов, престиж, групповое членство зарабатывались талантом, трудолюбием и эрудицией в изучении древностей, умением подать себя и свою приверженность общим идеалам в цветистых речах, тем более на хорошей латыни [Баткин, 1995: 62].

Группы и сети поддержки (C₄₆). Первоначальную группу поддержки составляли светские правители, аристократические правители и богатейшие горожане, само папство [Баткин, 1995: 50]. Исключительно важную роль в поддержке гуманизма сыграли коммерческие элиты Флоренции в союзе с папством [Лахман, 2010: 120–148]. Этот альянс получил наиболее яркое (и скандальное) выражение в политике и нравах семьи Медичи [Лахман, 2010: 141–142]. Поскольку моды престижного потребления всегда передаются сверху вниз, вслед за высшими слоями мода на «древности» распространилась в средних классах, чему способствовало растущее благосостояние большинства жителей лидирующих коммерческих городов, таких как Флоренция и Венеция [Тарасова, 1999: 99]. Все это тем более мотивировало подрастающие поколения включаться в это движение, обещающее общественное признание и преуспеяние [Баткин, 1995: 12; Lytle, Orgel, 1981].

C₅. Происхождение и доступность культурного ресурса

Рим по общему признанию еще в XIII–XIV вв. находился в запустении, папы в течение десятилетий находились в «Авиньонском пленении» во Франции. До середины XV в. о знаменитой впоследствии папской библиотеке ничего не известно⁷. Наиболее естественная гипотеза состоит в том, что книги поступали в Италию в несколько этапов из Константинополя, Афин и других мест Восточной Римской (Ромейской) империи. Бежавшие правители и первосвященники Латинской империи (пала в 1261 г.), греческие элиты (после захвата османами Константинополя в 1453 и Афин в 1460 гг.) брали с собой драгоценные книги в Италию, во Францию. Вполне естественно, что в ответных стратегиях (см. выше C₃) папы и их образованные секретари апеллировали к греческим и латинским древностям – маркерам геополитического преимущества. Бурно растущий спрос обычно рождает предложение, причем предложение «древностей» (в том числе «находки» рукописей в заморских монастырях с неизменной «утерей» оригиналов) удивительно точно попадало в средоточие интересов публики.

C₆. Расширение каналов вертикальной мобильности

В связи с утверждением папства в Риме (после напряженных периодов пленения и расколов), с коммерческим расцветом городов-государств севера Италии для амбициозных молодых людей из неблагородных слоев открывалось множество заманчивых карьерных путей. Потребность в послых, переговорщиках, агентах разнообразных поручений для духовных, политических и коммерческих элит открывала путь исполнителям не просто грамотным, но умеющим и любящим красиво, гладко, убедительно говорить и писать, обладающим культурным блеском. Эта потребность была обусловлена

⁷ Ватиканская библиотека была открыта в 1475 г. Ее основа – 834 латинских кодекса, принадлежавших папе Николаю V (1447–1455) [Петросилло, 1997].

доминированием итальянских городов-государств в дипломатии, в сложной коалиционной политике, в государственных финансах, в коммерции. В XV–XVI вв. Италия поставляла дипломатов, специалистов по финансам, учителей, архитекторов, художников во многие европейские страны [Varon, 1960; Hay, 1961; Martines, 1963].

Для обеспечения папского управления, для всегда непростых отношений с местными элитами, для сбора податей также требовался подготовленный персонал. В неформальных собраниях жаждущие признания и карьеры молодые люди знакомились с богатыми представителями знати и духовенства, что открывало возможности политической и экономической поддержки. Наряду с частными собраниями проводились широко афишируемые публичные диспуты, своего рода ристалища на арене гуманистического престижа [Баткин, 1995: 68–69].

Связи ученичества, поддержки, соперничества и конфликтов образовывали плотные сети личных знакомств, которые легко преодолевали политические границы благодаря общему языку, ценностям и чувствам принадлежности к культурному кругу [Баткин, 1995: 67–68]. Очевидно, те же сети знакомств и солидарности служили фактором вертикальной мобильности [Брагина, 2018: 24]. Видимый успех старших всегда манит младших, поэтому гуманистическому движению был обеспечен приток «аспирантов». Однако этот процесс не мог продолжаться бесконечно.

Итак, универсальная гипотеза подтвердилась. В сложившихся обстоятельствах культурное движение с заданными компонентами, названное «гуманизм», вполне закономерно должно было появиться, разрастись, получить влияние и социальный престиж (рис. 2).

Турбулентность и макрособытия в Западной Европе XVI в.: Реформация, религиозные войны и перемирия, сосуществование католиков и протестантов, складывание и разрушение альянсов, Тридентский собор, подъем Контрреформации, учреждение инквизиции, – представляют собой радикальную смену (гео)политических и культурных акторов, смену вызовов-угроз и вызовов-возможностей, ответных стратегий, условий их триумфов и провалов. Анализ внутренней природы указанных макрособытий в этих понятиях должен более глубоко и содержательно объяснить угасание и перерождение гуманистического

Рис. 2. Обстоятельства в Италии 1450–1520 гг., соответствующие компонентам С₁–С₆ универсальной гипотезы, закономерно приводят к расцвету гуманизма как культурного движения с заданными идейными компонентами е₁–е₄.

движения, чем обычные указания на возросшие религиозную озабоченность, стандарты строгости нравов, запреты.

Что касается универсальности гипотезы об условиях расцвета идейных и культурных движений, она остается в статусе гипотезы. Для превращения в теорию нужна проверка на нескольких случаях. Реформация, Просвещение, романтизм, авангардизм (с быстрой сменой художественных стилей) полностью, а марксизм, феминизм, экологизм в значимых аспектах подпадают под эту категорию и должны быть объяснены универсальной гипотезой через выявление начальных условий в обществах, где эти движения появлялись, обрели авторитет и влияние. Нужно выявлять вызовы-угрозы и вызовы-возможности, успешные стратегии, группы поддержки, специфику «аспирантов», каналы вертикальной мобильности и т.д. Всеми этими нетривиальными вопросами никто комплексно не задавался при всей изученности указанных движений. Особую значимость для становления теории, прохождения испытаний на фальсифицируемость имеют поиск и анализ аномалий: когда расцвет некоего движения происходил без заданных условий и когда при всех условиях имели место фальстарт или крах движения. Все это темы будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995.
- Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М.: МГУ, 2002.
- Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.
- Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 16–31.
- Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург: УрГУ, 2003.
- Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.
- Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- Карнейро Р. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
- Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. М.: Территория будущего, 2010.
- Лосев А. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.
- Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. М.: РОССПЭН, 1998.
- Петросилло О. Град Ватикан. Vatican: Edizioni Musei Vaticani, 1997.
- Романовский Н.В. Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 79–90.
- Тарасова М.С. «Этот дворец, полный чудес». Резиденция ренессансного нобилия в восприятии современников // Культура Возрождения и власть. М.: Наука, 1999. С. 99–107.
- ЭБЕ – Энциклопедический словарь. В 86 т. Репр. воспр. изд. «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона». СПб.: ПОЛРАДИС; АОТ «Иван Фёдоров», 1993–2003.
- Baron H. The Social Background of Political Liberty on the Early Italian Renaissance // Comparative Studies in Society and History. 1960. No. 4. P. 440–451.
- Hay D. The Italian Renaissance in its Historical Background. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1961.
- Lytle G.F., Orgel S. (eds). Patronage in the Renaissance. Princeton: Princeton Univ. Press, 1981.
- Martines L. The Social World of the Florentine Humanists (1390–1460). Princeton: Princeton Univ. Press, 1963.

Статья поступила: 29.10.19. Принята к публикации: 20.12.19.

NOMOLOGICAL EXPLANATION IN HISTORICAL SOCIOLOGY (THE CASE OF GENESIS AND FLOWERING OF ITALIAN HUMANISM)

ROZOV N.S.

Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nikolai S. ROZOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher at the Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Head of Social Philosophy and Political Sciences Department, Novosibirsk State University; Prof. of Department for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (nrozov@gmail.com).

Abstract. The article applies K. Hempel's logical scheme for full-fledged academic explanation of the origin and flourishing of humanism in the Northern Italy city-states (15th–16th centuries). Large consolidated continuous ideological movements (including Italian humanism) arise not randomly but because of combined circumstances in various social spheres (from geopolitics to everyday practices). Author's formulation of the "universal hypothesis" (for genesis of any cultural movements) uses Toynbee's "challenge-response" scheme, the principle of positive reinforcement of successful response strategies, the concepts of legitimacy, social movements, and resource mobilization. The genesis of Italian humanism is conceptualized as a macro-event with a fixed set of well-known ideological characteristics (anthropocentrism, activism, the "renaissance" of Roman and Greek classics, hedonism, faith in magic, etc). Initial data include main challenges-threats and challenges-opportunities for the Italian elites and the papacy, characteristics of affordable cultural capital (Latin and Greek "antiquities"). Also ensuing cultural strategies were successful. The movement gained sources of replenishment by young newcomers, rich high-ranking patrons with plenty of cultural resources. Non-institutionalized channels of vertical mobility were open in diplomacy, papal bureaucracy, commerce, literacy, art, and education. The correspondence of these initial data for the late 15th century Italy with the universal hypothesis premises means an obligatory appearance of macro-events: emergence and flourishing of humanism as a cultural movement with given characteristics.

Keywords: historical sociology, macro-sociology, logic of scientific explanation, Karl Hempel, social patterns in history, challenge-response, Italian humanism, papacy, geopolitics, cultural movements, Doomsday, legitimacy.

REFERENCES

- Baron H. (1960) The Social Background of Political Liberty in the Early Italian Renaissance. *Comparative Studies in Society and History*. 11. No. 4: 440–451.
- Carneiro R. (2006) A Theory of the Origin of the State. In: *The Early State, its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel': 55–70. (In Russ.)
- Collins R. (2015) *Macrohistory. Essays in the Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Davis N. (2005) *History of Europe*. Moscow: AST: Tranzitkniga. (In Russ.)
- Delumeau J. (1994) *Horror in the West*. Moscow: Golos. (In Russ.)
- Delumeau J. (2003) *Sin and Fear: The Emergence of a Western Guilt Culture, 13th–18th Centuries*. Yekaterinburg: UrFU. (In Russ.)
- EBE (1993–2003) – *The Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. 86 vols. St. Petersburg: POLRADIS; AOOT "Ivan Fedorov". (In Russ.)
- Garen E. (1986) *Problems of the Italian Renaissance*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Hay D. (1961) *The Italian Renaissance in its Historical Background*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hempel K. (2000) Function of General Laws in History. In: *Vremya Mira. The Almanac*. Iss. 1: The Historical Macrosociology in the 20th Century. Novosibirsk: NGU: 16–31 (In Russ.)
- Lachman R. (2010) *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and European Transitions in Early Modern Europe*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
- Losev A. (1978) *Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Martines L. (1963) *The Social World of the Florentine Humanists (1390–1460)*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Lytle G.F., Orgel S. (eds) (1981) *Patronage in the Renaissance*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Petrarch F. (1998) *Philosophical and Polemical Works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Petrosillo O. (1997) *Vatican City*. Vatican: Edizioni Musei Vaticani. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2018). Our Historical Sociology: Fruits and Worries. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 79–90.
- Tarasova M.S. (1999) This Palace is Full of Miracles. The Residence of the Renaissance Nobility in the Perception of Contemporaries. In: *The Culture of Renaissance and Power*. Moscow: Nauka: 99–107. (In Russ.)